

с. 2

м. в.
1014

Об Овсяннико-Куликовском и А. Чехове.

Замысли читателя.

Съ некоторого времени решительно каждое новое произведение Антона Чехова вызывало единодушное одобрение критиков и рецензентов всех литературных лагерей — «Замечательно! восхиительно! неподражимо!» эти слова съ удручающим единообразием раздаются со всех сторон. Конечно, по отношению къ писателю съ такой репутацией, какъ у Чехова, восклицательные знаки — наиболее легкій и безопасный пріемъ критики. Но, говорить, будто Льва Толстого порою коробить отъ неутирнно воскуряемаго ему фимиама, и кто знаетъ, не коробили ли по временамъ также и Чехова?

Овсяннико-Куликовский — иудумный писатель съ опредѣленнымъ взглядомъ на задачи художественн. критики. Его статьи, несмотря на неукротимый языкъ и туманность излаганія, заслуживаютъ внимательнаго чтенія, такъ какъ у него всегда найдете или новое освѣщеніе уже извѣстнаго, или изложеніе принциповъ и наблюденій, дотогдѣ вамъ неизвѣстныхъ. Вотъ почему заслуживаютъ вниманія его фельетоны по поводу некой повѣсти Чехова «Въ Оврагѣ» (Сѣверный Курьеръ № № 180 и 181).

Похвальные отзывы объ этой повѣсти успѣли набить оскомину, но при видѣ подписи Овсяннико-Куликовскаго можно было приступить къ чтенію фельетоновъ съ увѣренностью, что натолкнешься не на одні только знаки препинанія. Лишь воспоминаніе о статьѣ того же автора о повѣсти Чехова «Гонимы» въ «Журналѣ для всехъ» за 1899 г. могло возбуждать некоторое опасеніе: не то чтобы первая статья о Чеховѣ была сиюминутнымъ напѣвнымъ восторгомъ (у Овс.-Куликовскаго этого никогда не бывало), но чрезвычайные восторги все-таки были, и поводъ къ нимъ не всегда можно признать удачнымъ. Напримѣръ, Овсяннико-Куликовский ставилъ въ заслугу Чехову то, что въ произведеніяхъ этого художника иудумный читатель всегда чувствуетъ присутствіе идеала.

Идеалъ — хорошая вещь, но одно присутствіе его еще не свидѣтельствуетъ объ оригинальности и потому не служитъ признакомъ развитой индивидуальности художника. Въ русской литературѣ вопросу объ идеалѣ скоро сто лѣтъ. Еще Галичъ, провозглашая необходимость идеаловъ и убѣжденій, только выражалъ то стремленіе, къ чему существовало въ средѣ тогдашней молодежи. Въ Евгении Онегинѣ «идеалъ» моднымъ словомъ «идеалъ» тихонько Ленскій задремалъ, Гоголь далъ пинроку картину русской пошлости, т. е. требовалъ служенія идеалу. Наконецъ, Щедринъ написалъ пѣснь двѣнадцать томовъ, подробно и на всѣ лады выясняя роль идеала и его антитезы — безразличности. Преемниками

Щедрина въ русской литературѣ предстоитъ толковать не о служеніи идеалу вообще, а ратовать за проведеніе въ жизнь идеаловъ опредѣленнаго содержанія. Настоятельность рѣшенія этой задачи съ особенной настойчивостью провозглашала и сама сатирика подъ конецъ своей литературной дѣятельности.

Литературный «бюрокръ» журнала «Жизнь», Андреевичъ, говорил о Чеховѣ, выразился однажды такъ: «Въ передачѣ неопредѣленнаго и колеблющагося настроенія своей эпохи, ея тоски исланія, ея отвращенія къ готовымъ фразамъ и формуламъ и заключается заслуга Чехова. Это-то и дѣлаетъ его художникомъ-историкомъ, это-то и заставляетъ ставить его выше, напр. Короленко, литературное дарованіе котораго такая же несомнѣнная величина, какъ и наблюдательность его міросозерцанія». (Жизнь 1899 г. № 4, стр. 184). О. Вл. Короленко у насъ теперь ить рѣчи, но что касается Чехова, то констатировать у этого писателя присутствіе стремленія къ идеалу, значитъ именно отбѣчать шаблонную черту его произведеній. Между тѣмъ, Чеховъ оригиналенъ.

Вопросъ о томъ, очень ли великъ данный писатель, или утирнно великъ, или средне-великъ, и кто выше, а кто ниже, — для критики въ сущности праздные вопросы. Но если критикъ выработалъ себѣ опредѣленные принципы для сужденія о художественныхъ произведеніяхъ, если вы признаете дѣйствительно существеннымъ тѣ признаки, которые критикъ кладетъ въ основу своихъ сужденій, то вы получаете возможность давать себѣ отчетъ въ томъ, почему одно произведеніе производитъ большее впечатлѣніе, а другое — меньшее. Отъ критика вы имѣете право требовать, чтобы, помогая вамъ сознательно отнестись къ дѣлу, онъ строго проводилъ свою точку зрѣнія.

Овсяннико-Куликовский провозгласилъ два существенныхъ признака для признанія за художественнымъ произведеніемъ большого литературнаго значенія: экономизацію умственной энергии и типичность содержанія. Второй признакъ есть на самомъ дѣлѣ частный случай перваго, но случай настолько важный, что заслуживаетъ выдѣленія. Въ статьѣ о повѣсти Чехова «Въ Оврагѣ» Овсяннико-Куликовский повторяетъ, что прогрессомъ въ исторіи художественнаго творчества является превращеніе символическихъ образовъ въ типическіе, и даетъ такое заключеніе: «не взирая на недостатки, внесенные въ повѣсть символическими чертами, эта повѣсть должна быть причислена къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ нашей литературы». Чтобы заслужить такую квалификацію, повѣсть должна, сдѣлательно, представить намъ одику или нѣсколько замѣчательныхъ типовъ, дотогдѣ неизвѣстныхъ литературѣ. Какъ на таковые, указываются на Цыбукина, Анисима, и Аксинью.

Но что же такое типъ и въ чемъ состоитъ типичность?

Въ статьѣ о Пушкинѣ Овсянко-Куликовскій объясняетъ, какъ въ результатъ движенія отъ частнаго къ общему создается типъ, который, обобщая действительность, даетъ намъ ея истолкованіе; какъ отношенія различныхъ типовъ къ жизни опредѣляются, въ которой раскрывается нѣтъ какая-либо сторона души человеческой или осмысливается въ частномъ или въ общемъ внутренняя жизнь общества. По Цибукинѣ, Анисимѣ и Аксининѣ, по нашему мнѣнію, если и типичны, то не новы, и врядъ ли въ нихъ суммировано болѣе характерныхъ чертъ, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ типахъ нашихъ болѣе раннихъ писателей. Но можетъ быть нова среда и отношенія къ ней чеховскихъ персонажей? Уже изъ признанія не новости типовъ отдѣльных лицъ ясенъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ какъ психологическая среда не могла бы повторять старыя типы.

Овсянко-Куликовскій не согласится, конечно, съ нами. Онъ пытается найти существенно новыя черты не только въ лицахъ, но и въ положеніи среды. Онъ утверждаетъ, будто «глубокія наблюденія Габса Успенскаго, типы кулаковъ въ повѣстяхъ и очеркахъ Салова и др., нѣкоторые эпизодическія (?) фигуры у Салтыкова и т. д.—все это, вмѣстѣ вѣзтомъ, нѣкогда смыслъ предостереженія», т. е. какъ изображение зла, только еще нарождающагося. Почтенный критикъ забываетъ, что уже въ то время обличалось не только о томъ, что чужаки идутъ, но о томъ, что чужаки пришли. Кто знаетъ рыщутъ по деревнямъ. Мірскія власти безусловно отдались въ руки чужакамъ. «Наступилъ періодъ закрѣпощенія чужаковъ». У того же Щедрина въ другія мѣста вы можете найти слѣдующую характеристику чужаковъ: «Это—убійцы крѣпостного права, выбивавшіеся изъ всѣхъ силъ, чтобы возстановить оное въ свою пользу, въ фюреръ, мѣсто разбойнической, но несомнѣнно болѣе выростковой».

«Это сомнѣніе не тотъ буржуа, которому удалось неслабыхъ трудовъ обрѣсти и приставленнымъ наученіемъ профессіи (хотя и не безъ участія кровопивства) занять себѣ положеніе въ обществѣ; это притомъ лѣнившійся забулдыга, которому, благодаря слѣпой случайности удалось уйти отъ каторги». Забудьте еще, что идущій въ горы чужаки метаютъ о пушоты мушкетъ в о полахъ за границу.

Рисуя кулака Цибукина, какъ человека безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, Чеховъ, по признанію самого же Овсянко-Куликовскаго, только подтверждаетъ вѣрнѣе, давно установленныя въ нашей литературѣ. Правда, старая литература зачастую изображала кулаковъ, какъ людей, исключительныхъ по уму; но если зачастую, то значитъ не всегда. Следовательно и въ прежней литературѣ можно было встрѣтить типы людей, хитровывавшихъ не въ силу своей исключительности

или извращенности, а потому, что «такъ заведено и объ этомъ способѣ веденія дѣла нѣтъ и понятія въ той средѣ». Следовательно, дѣйствія Цибукинскихъ объясняются общими убѣжденіями, что не обманешь — не продашь. Типы этого рода — не новы въ литературѣ.

По словамъ Овсянко-Куликовскаго, не суть понятія Чехова въ картинѣ зла, сопряженнаго съ возникновеніемъ новой буржуазіи, и въ вопросѣ о томъ, какъ люди относятся къ этому злу. Въ картинѣ нарисованнаго Чеховымъ зла нѣтъ ничего новаго. Критикъ сравниваетъ «Въ Оврагѣ» съ «Властью Земли»: тамъ власть земли, а здѣсь — власть барыни, лавки, денежнаго оборота. Но прочтя Успенскаго, вы скажете:

—Изъ этой книги я много узналъ и много въ жизни позналъ.

А по прочтеніи Чехова, должны будете признаться:

—Откуда я ничего новаго не узналъ и мнѣ непонятно все, что здѣсь творится, начиная отъ общаго порядка и кончая отдѣльными эпизодами, по скольку я узналъ эти явленія только изъ повѣсти Чехова.

Въ самомъ дѣлѣ: почему власть денегъ выражается въ данной средѣ въ обманѣ, обманѣ, обманѣ и фальсификаціи? Въ не водятъ же власть капитала неразрывно связана съ угодушничествомъ? Почему Анисимъ не держится профессіи отца, а поступаетъ въ сыщики? Что толкнуло его на преступленіе? Почему онъ — самъ сыщикъ — такъ глупо даетъ поводъ къ раскрытію преступленія? Почему осужденіе одного изъ сыновей подосады старика Цибукина, все же не перемѣнило его около угодушничества? Почему Аксинья до того обидѣлась изъ-за потери части имущества, что рѣшилась на убійство ребенка? Почему она не подверглась преслѣдованію за это убійство? Почему добрыя дѣла Варвары выражались въ корыстныхъ инстинктахъ и не выразились въ заботѣ о подлугушничествѣ Цибукина? Такихъ вопросовъ можно предложить еще много. Въ повѣсти эти вопросы — не случайны, а если случайны, то подѣлать Чехова, какъ увидимъ ниже, онъ получаетъ сомнѣніе особое значеніе.

Овсянко-Куликовскій утверждаетъ, будто повѣсть Чехова даетъ понять, что возникновеніе теневой кулачеческой буржуазіи есть процессъ, являющійся естественнымъ, органическимъ, неизбежнымъ. Самоубійство и необходимость общественныхъ процессовъ стали теперь общими мѣстами, но качество, приписываемое въ данномъ случаѣ повѣсти Чехова, на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

На мѣстѣ правды мы находимъ здѣсь разнородныя инстинкты. Это слова Овсянко-Куликовскаго противорѣчатъ его же утвержденію, что бѣны Цибукинскихъ поступковъ, какъ всѣхъ вообще, таковы нравы данной среды. А описание свадьбы Анисима и Лины, развѣ это не описание правды?

Но изъ того, что Цибукин дѣйствуетъ, какъ всѣ люди въ средѣ, еще не слѣдуетъ, что дѣлѣ преступленія безсознательны и что эти лица нравственно-невысвѣжены. Если вѣрить Овсянко-Куликовскому, въ «Въ Оврагѣ» не издаютъ, что творить, даже Аксинья поведенію не сознаетъ своей преступности.

Безсознательность, какъ источникъ злодѣянія, — эта тема постоянно разрабатывалась Щедринимъ. Несмотря на все происшествіе между Чеховымъ и Щедринимъ, минутами между ними замѣчается какая-то трудно-уловимая родственная связь. Можетъ быть, это обстоятельство вполнѣло Овсянко-Куликовскаго на ошибочное приписываніе Чехову того, чего нѣтъ въ повѣсти. Въ дѣйствительности послѣдняя включаетъ въ себѣ не мало указаній на сознательность преступленія, начиная отъ рѣчей Анисима и кончая бурной сценой, устроенной Аксиньей:

—Всѣ вы — тутъ одна тайна!... Грабли прохожихъ и проѣзжихъ, разбойники, грабли старого и малолѣтняго — выкрикивалъ, между прочимъ, та самая Аксинья, которая убила чужого ребенка и которую Овсянко-Куликовскій тоже склоненъ считать безсознательной преступницей. Неужели Аксинья можетъ не сознавать преступности убійства? Конечно, ея обличеніе — не грѣхъ проснувшейся совѣсти, а только возмездіе вора, котораго обидѣли при дѣлѣ добычи. Но изъ того, что она приходитъ цѣлу съвѣсть хлопотами, именно какъ участіе въ безсознательности дѣла, и изъ того, какъ принимаютъ ея слова Цибукинъ и Варвара, ясно, что въ эти лица издаютъ, что творить. А добрыя дѣла Варвары, какъ предостереженіе кланяться? Отъ чего онъ предостереженіе? Всѣмъ въ домѣ становилось легче отъ присутствія этой благотворительницы, дѣятельность которой назвалась противобѣдой грабежу, — всѣмъ, т. е. главнымъ образомъ, а можетъ быть и исключительно — рыцарямъ грабежа. Необходимость въ этомъ противобѣдѣ — новое доказательство того, что зло творилось не безсознательно.

Но если не хитрники, то, можетъ быть, ихъ жертвы не сознаютъ безсознательности дѣла Цибукинскихъ? Нѣтъ. Въ время свадьбы Анисима со двора доносится крикъ:

—Насосались нашей крови, ироды! нѣтъ на насъ погнѣбъ!

Овсянко-Куликовскій изводитъ изъ заблужденія слова Кости — «Въ извѣстѣ (цибукинскій) дѣлѣ безъ этого нельзя — безъ грѣха то есть... Грѣхъ — понятіе, выходящее опредѣленное по отношенію къ вопросу о совѣсти, и слова Кости — плохая защита Аксиньи; она скорѣе указываетъ на осужденіе всѣхъ среды. Ниже мы покажемъ, почему Чеховъ, въ силу особенностей своего творчества, и не могъ положить безсознательность въ основу зла, описаннаго въ повѣсти.

(Продолженіе слѣдуетъ)